

ЖИВОЙ ЖУРНАЛ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

Розанов написал много, страшно много. Он как-то сказал, что у читателя «может образоваться умственная мозоль» от его сочинений. Литературный труд был для него образом жизни, способом существования, ежедневным занятием и необходимостью. При этом Розанов не написал — и никогда даже не пытался написать — ничего собственно «художественного». Он недоумевал, почему раньше никто не догадался писать вот так, просто, без всяких выдуманных героев, без изображения обстановки и обстоятельств, без погруженности в сюжет, в конце концов?

«Шумит ветер в полночь и несет листья... Так и жизнь в быстротечном времени срывает с души нашей восклицания, вздохи, полумысли, полочувства... Которые, будучи звуковыми обрывками, имеют ту значительность, что „сошли“ прямо с души, без переработки, без цели, без преднамеренья — без всего постороннего... Просто — „душа живет“... т. е. „жила“, „дохнула“... С давнего времени мне эти „нечаянные восклицания“ почему-то нравились. Собственно, они текут в нас непрерывно, но их не успеваешь (нет бумаги под рукой) заносить, — и они умирают. Потом ни за что не припомнишь. Однако кое-что я успевал заносить на бумагу. Записанное все накапливалось. И вот я решил эти опавшие листья собрать»*. Так открывалась изданная в 1912 году книга Розанова «Уединенное», так впервые прозвучало определение, давшее название уникальной жанровой форме и будущей книге, — «опавшие листья».

Для современного читателя освоение этой формы должно быть более комфортным, чем для читателя начала XX века. Глядя из сегодняшней столетней перспективы, в «Опавших листьях» не составляет труда узнать все приметы распространенного во «всемирной паутине» «живого журнала»: от избыточного употребления графики до многочисленных указаний на время и место произведенной записи. Вряд ли у кого-нибудь в наше время возникнет сомнение в правомочности

* *Розанов В. В. Уединенное // Розанов В. В. О себе и жизни своей. М., 1990. С. 36.*

печатания подобного текста. В принципиально *общем* пространстве современности одного желания обнародовать свой дневник... достаточно. Когда книга Розанова впервые увидела свет, это казалось почти неприличным.

В начале XX века никто не мог даже представить себе хотя бы отдаленное подобие Интернета. И можно только поражаться тому, каким образом Розанову удалось оказаться предтечей одного из характернейших проявлений глобальной «сетевой» культуры. Он столкнулся с той самой проблемой, которая хорошо знакома современным блогтерам и участникам чатов: с освоением (и выстраиванием) принципиально *общего* пространства, куда вторгаются их дневники или даже отдельные реплики. Правильная речь и корректная аргументация здесь не только не помогают, но даже мешают привлекать и удерживать общее внимание. Такую речь легко перебить. За ней трудно разглядеть участника, а время строго лимитировано. Длинноты читать просто никто не будет. В любой момент в чат может вторгнуться кто угодно и с успехом обругать всех и вся изощреннейшей бранью, которую придется не читать, а разбирать по слогам и буквам. Естественной тактикой в таком общем полилоге становится стремление *затормозить* чтение: коверкать слова, нарушать синтаксис, наполнять письмо какими-то значками и символами, не довольствуясь уже существующими знаками препинания. Субъективность становится не недостатком, а достоинством и целью письма. Розанов виртуозно решил эту задачу, сохранив тем не менее грамматическое целомудрие. Решил ее, располагая инструментарием XIX столетия.

Василий Васильевич Розанов родился 2 мая 1856 года в городе Ветлуга Костромской губернии. Его отец окончил Костромскую семинарию, но священником не стал, а пошел по гражданской службе, получив очень невысокий чин коллежского асессора. Мать происходила из обедневшего дворянского рода Шишкиных. Розанов рано осиротел. Когда ему было пять лет, умер его отец, матери он лишился в пятнадцать. В семье, кроме него, было шестеро детей. Жили на пенсию, которую выслужил отец, — на грани бедности и нищеты. «Во всем нашем доме я не помню никогда улыбки», — писал Розанов о своем детстве. Когда его брат Николай окончил Казанский университет и стал директором уездных гимназий, он взял на содержание двух младших братьев, Василия и Сергея.

В ранние годы Розанов очень много читал. Чтение было разнообразным и беспорядочным. «С детства я страдал какой-

то чудовищной задумчивостью», — скажет потом писатель. Часто меняя гимназии, переезжая с семьей брата из города в город, из Костромы в Симбирск, из Симбирска в Нижний Новгород, с трудом справляясь с учебой, он увлекся «идейной» литературой 1860-х годов, стал читать Писарева, Белинского, Бокля, Фохта — превратился в «отчаянного нигилиста» и «матерьялиста». Отвечая на анкету Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, Розанов вспоминал, что кончил гимназию «атеистом, (в душе) социалистом, и со страшным отвращением, кажется, ко всей действительности. Из всей действительности любил только книги».

В 1878 году Розанов поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Студентом он пережил духовный переворот, о котором рассказано в той же анкете: «Уже с первого курса университета я перестал быть безбожником. И, не преувеличивая, скажу: Бог поселился во мне. С того времени... что бы я ни делал, что бы ни говорил и ни писал, прямо или *в особенности косвенно*, я говорил и думал, собственно, только о Боге: так что Он занял всего меня, без какого-либо остатка, в то же время как-то оставив мысль свободною и энергичною в отношении других тем. <...> Я с величайшей любовью приносил Ему все, всякую мысль (да только о Нем и думал): как дитя, пошедшее в сад, приносит оттуда цветы или фрукты... отцу, матери, жене, детям»*. Причин этого внутреннего переворота Розанов не называет. Вероятно, и не было никакого внешнего толчка. Важна, пожалуй, сама «беспричинность» такого превращения, совершившегося почти как чудо. Результатами этого события стали «умаление собственной личности», благодарность Творцу, «освящение» жизни и «нежность» к людям.

Разрыв с утилитаризмом и наивным позитивизмом проявился в статье «Цель человеческой жизни» (1882, опубликована в 1892 году). Примерно тогда же у Розанова возник осознанный интерес к истории, археологии, древним культурам.

12 ноября 1880 года студент-третьекурсник Василий Розанов сочетался законным браком с Аполлинарией Прокофьевной Суловой. Позже он напишет, что в этом браке было больше идейного, чем простой, обыкновенной любви. Старше мужа на 17 лет, бывшая возлюбленная Достоевского, прототип всех его фантастических и «инфернальных» героинь:

* Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 709.

Полины из «Игрока», Настасьи Филипповны из «Идиота», Лизы из «Бесов», Катерины Ивановны (а отчасти и Грушеньки) из «Братьев Карамазовых», — трудно представить, что такая женщина могла бы составить семейное счастье. Литературные занятия молодого мужа вызывали у нее глубочайшее отвращение, ни о каком семейном уюте не могло быть и речи. Вообще, все написанное об этой женщине разными людьми исполнено удивительно единодушного осуждения: она разрушала все, к чему прикасалась, измучила Достоевского, испортила жизнь Розанову. Достаточно сказать, что она уничтожила их письма к ней. И все же очевидно, что это была натура в высшей степени незаурядная — недаром же она всю жизнь тревожила воображение Достоевского. В письмах Розанов много жалуется на нее, называет раскольницей поморского согласия, хлыстовской богородицей... И остается только догадываться о том действительном следе, который она оставила в его жизни. Брак был мучительным и не слишком долгим. Летом 1886 года Суслова ушла от мужа, не дав ему развода.

Окончив университет, Розанов стал преподавать в провинциальных гимназиях историю, географию и латинский язык. На это ушли одиннадцать лет его жизни, с 1882 по 1893 год. Еще на последнем курсе университета у Розанова появился замысел его первой книги. Он трудился над ней с воодушевлением, написал более 700 страниц и в 1886 году издал за свой счет, мизерным тиражом. Книга называлась «О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». В ней начинающий философ, опираясь на аристотелевские категории и во многом оставаясь позитивистом, выстраивал концепцию «науки как цельного миропонимания». Тем не менее здесь уже проявились многие темы зрелого и даже позднего Розанова. Хотя в целом книга представляет ценность, пожалуй, лишь тем, что «все-таки это Розанов». Нераскупленный тираж пошел на оберточную бумагу. «Встреть книга какой-нибудь привет, я бы на всю жизнь остался „философом“, — признавался впоследствии писатель. Он до конца дней гордился этим своим трудом и часто рекомендовался как «Розанов, написавший книгу „О понимании“».

В литературный процесс Розанова, уже в качестве журналиста, ввел Н. Н. Страхов. В 1889 году в «Русском Вестнике» и в «Журнале Министерства народного просвещения» были напечатаны две обширные статьи-рецензии Розанова на книгу Н. Я. Данилевского «Дарвинизм». Несколько лет спустя писатель сблизился с кружком консервативных ли-

тераторов и издателей, вступил в активную переписку с «оптинским затворником» К. Н. Леонтьевым.

Работал Розанов много и необыкновенно плодотворно. Первая большая статья, давшая ему «положение в мире читателей», — «Место христианства в истории» (1890). Особый этап в его становлении как мыслителя и литературного критика — работа «„Легенда о Великом Инквизиторе“ Ф. М. Достоевского» (1891). В ней дан чуть ли не самый ранний образец русской философской критики и впервые обозначен принципиально новый, резко расходящийся с мнением Белинского взгляд на роль Гоголя в истории русской литературы. Репутация Розанова серьезно укрепилась, хотя и получила несколько скандальный оттенок.

В это же время произошли резкие перемены в его семейном положении. Свою биографию Розанов решительно разделял на две части: до встречи с Варварой Дмитриевной Бутягиной и после. «„Путеводной звездой“ моей жизни служила всегда эта вторая жена, женщина удивительного спокойствия и ясности души, соединенной с тихой и чисто русской экзальтацией»*. Происходившая из разветвленного священнического рода, очень религиозная (ежедневная молитва для нее была необходимостью), неприязнительная («из всех роскошеств мира она любила одну чистоплотность»), Варвара Дмитриевна была полной противоположностью Аполлинарии Сусловой. Поразительно, что при ее убеждениях она решилась на тайное незаконное венчание с неразведенным Розановым (5 июня 1891 года) — то есть на преступление против законов Российской империи и православной веры.

Из Ельца, где они познакомились и обвенчались, им пришлось уехать в Смоленскую губернию. «Тусклые звездочки, холодное солнце... да и тех двести дней в году не видно. Дождит, вечно дождит... За городом не столько природа, сколько болото. Да, есть цветы — на кладбище. Лучшая береза, с развесистыми ветвями, — там же. Мне два года случилось выжить в городе Белом Смоленской губернии; там единственное место гулянья было кладбище. И я, помню, с молодой женой, только что повенчавшись, ходил гулять туда. Больше решительно некуда пойти. А природы хочется, в „медовый-то месяц“...»**.

* Розанов В. В. О себе и жизни своей. С. 711.

** Розанов В. А. П. Чехов // Юбилейный чеховский сборник. М., 1910. С. 117.

Последующие годы не сделали положение Розановых менее драматичным: дети, родившиеся от незаконного брака, не могли носить фамилию отца, не имели имущественных и гражданских прав. Суслова на все просьбы о разводе отвечала отказом.

В 1893 году Розанов перебрался в Петербург, став чиновником особых поручений при государственном контролере Т. И. Филиппове. Переезд оказался сопряжен с материальными затруднениями, 1890-е годы стали самым тяжелым для семьи временем. Розанов фантастически много работал, печатал до трех книг статей в год. После «философского периода» («О понимании», несколько статей и перевод «Метафизики» Аристотеля, напечатанный позднее) наступил следующий этап (1890—1898), который сам Розанов называл «катковско-леонтьевским», подчеркивая радикально консервативное содержание работ, написанных в это время. Их пафос — незыблемость монархии, чистота православия, Россия, народность, враждебность к либеральным идеям. Именно тогда сформировалась уникальная полистилистическая манера розановского письма.

В 1898 году выходят программные статьи Розанова: «Семья как религия» и «Брак и христианство». Писатель открывает для себя тему пола, его связи с религией, обращается к вопросам семьи и брака, проблемам развода и законнорожденности детей. Эти темы находят свое выражение в книгах «В мире неясного и нерешенного» (1901) и «Семейный вопрос в России» (1903). В дальнейшем тема пола и религии станет главной в творчестве Розанова. Постепенно он отходит от религиозного ригоризма, начинает терпимо относиться к различным вероисповеданиям, у него возникает интерес к старообрядцам и сектантам.

В 1899 году по приглашению А. С. Суворина Розанов стал постоянным сотрудником «Нового времени», где проработал вплоть до закрытия издания большевиками в октябре 1917-го. «Новое время» позиционировало себя как газета «собственно русская», представители «левого» лагеря считали ее «реакционной», но все же не «черносотенной», как большинство тех изданий, где Розанов печатался до этого. В течение года одна за другой выходят три его книги: «Литературные очерки», «Сумерки просвещения», «Религия и культура».

С 1897 по 1910 год розановские «воскресенья» становятся таким же очагом петербургской культурной жизни, как «среды» Мережковских или собрания на «башне» Вячеслава

Иванова. Д. С. Мережковский вспоминал: «...На Шпалерной улице... в четвертом этаже огромного нового дома... по воскресным вечерам происходили любопытные собрания. Из незавешенных окон столовой видны были звездно-голубые скамеечные дали Невы с мерцающей цепью огоньков до самой Выборгской. Здесь, между Леонардовой Ледой с лебедем, многогрудю фригийской Кибелой и египетской Изидой с одной стороны и неизменно теплящейся в углу, перед старинным образом, лампадкой зеленого стекла — с другой, за длинным чайным столом, под уютно-семейной висючей лампой, собиралось удивительное, в тогдашнем Петербурге, по всей вероятности, единственное общество: старые знакомые хозяина, сотрудники „Московских ведомостей“ и „Гражданина“, самые крайние реакционеры и столь же крайние, если не политические, то философские и религиозные революционеры — профессора Духовной академии, синодальные чиновники, священники, монахи — и настоящие „люди из подполья“, анархисты-декаденты. Между этими двумя сторонами завязывались апокалиптические беседы, как будто выхваченные прямо из „Бесов“ или из „Братьев Карамазовых“»*.

В 1901 году Розанов выступил одним из учредителей Религиозно-философских собраний, преобразованных затем в Петербургское религиозно-философское общество. Здесь происходили открытые встречи художественной и научной интеллигенции с духовенством, богословами, преподавателями Духовной академии. Участники вдохновлялись идеями «нового религиозного сознания», поиском диалога, компромиссов, путей соприкосновения между виднейшими представителями искусства и Русской православной церковью.

В 1912–1915 годах были изданы книги «Уединенное», «Смертное» и две части (два «короба») «Опавших листьев». Эти сочинения представляли собой что-то среднее между дневником и публицистическими заметками «на полях»; в том же жанре позже были написаны книги «Сахарна» и «Мимолетное», опубликованные только в наши дни. Явно проявившийся в эти годы политический консерватизм Розанова, в чем-то напоминающий консерватизм Леонтьева, привел к его окончательному разрыву с либеральной прессой и с бывшими друзьями из либерального лагеря. В 1914 году он был

* *Мережковский Д. С.* Революция и религия // Василий Розанов: Pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. СПб., 1995. Кн. 1. С. 248.

исключен из Религиозно-философского общества. Резолюция общества гласила, что совместная работа с ним невозможна.

Но и в глазах официальных властей Розанов оказался более чем сомнительной фигурой. В 1910 году книга «В темных религиозных лучах» была уничтожена цензурой, в 1912 году изъят из продажи тираж книги «Уединенное». Критика была не менее сурова к этому изданию: «Книга его — не „наглая находка“ и не исповедь, это разговор с самим собой, страшные обрывки страшного монолога. В ней рядом с грязью много правды, карамазовским чутьем воспринятой. Читать ее тяжело; жутко выслушивать самого Карамазова, который подошвой своей туфли хочет раз навсегда раздавить и уничтожить „нас возвышающий обман“». За Розановым нельзя идти, но нельзя с ним и не считаться»*. «С первых строк этой *напечатанной* книги вас охватывает страх. И не приятный страх, а смешанный с отвращением. Еще не разобрался, еще не понял, что же, собственно, тут ужасного, а первый, глубокий внутренний голос уже твердит: „Нельзя! Нельзя! Не должно этой книге быть!“ Против ее существования, против того, что она была сдана в типографию, набрана, вышла черным по белому, и цена обозначена — 1 р. 50 к., — против всего этого кричит мое естественное человечество и даже оскорбленная „личность“»**.

В 1917 году, спасаясь от революционной смуты, Розанов перебрался вместе с семьей в Сергиев Посад близ Троице-Сергиевой лавры. Здесь он работал над последним произведением, изданным при его жизни. Это был «Апокалипсис нашего времени» (1917–1918). Умер Розанов от голода и лишений 5 февраля 1919 года. Финал его жизни описан Павлом Флоренским: «Перед смертью В<асилий> В<асильевич>ч продиктовал своим бывшим друзьям, и в особенности тем, кого считал обиженным собою, очень теплые прощальные письма. Мирился с евреями. Погребение его было скромное-прескромное, но очень благообразное и красивое. Собрались только самые близкие друзья. <...> Повезли мы В<асилия> В<асильевич>ча на розвальнях, по снегу, в ликующий солнечный день к Черниговской и похоронили бок о бок с К. Леонтьевым, его наставником и другом. Все было мирно и благолепно, без мишуры, без фальшивых слов, по-дружески сосре-

* *Каллаш М. А.* «Уединенное» // Утро России. 1912. 15 марта.

** *Гитлиц З. Н.* Литераторы и литература // Русская мысль. 1912. № 5.

доточенно. Однако это был лишь просвет. А потом и пошло и пошло. Словно все бесы сплотились, чтобы отомстить за то, что В<асилий> В<асильевич>ч ускользнул от них. — Для могильного креста я предложил надпись из Апокалипсиса... „Праведны и истинны все пути Твои, Господи“. Представьте себе наш ужас, когда наш крест, поставленный на могиле непосредственно гробовщиком, мы увидели с надписью: „Праведны и немилостивы все пути Твои, Господи“*.

Писатель заявил однажды, что история человечества не удалась и начинать ее надо заново — с семьи Розанова. Судьба жестоко отплатила ему за эти слова: никто из его детей не имел потомства. Сын Вася умер от испанки в 1918-м, дочь Вера повесилась в монастыре в 1919-м, дочь Варя умерла в тюремной больнице НКВД в 1943-м, Надежда скончалась в 1956-м, Татьяна — в 1975-м.

«Душу мою писал Достоевский», — сказал Розанов. Герой-автор «Опавших листьев» с первой страницы, подобно многим героям Достоевского, предстает как человек, уже произведший колоссальную интеллектуальную работу, переживший грандиозный идейный кризис. И теперь он заново открывает для себя реальный мир.

«Опавшие листья» писались в 1913 году и вышли в двух частях: первая — в том же 1913-м, вторая — в 1915-м. Это странная, необычная книга. Даже среди неопределенных в жанровом отношении произведений она неопределима как-им-то особенным, ни на что не похожим образом. О чем она? Обо всем. Что в ней происходит? Да ничего, в сущности. В ней нет действия. «Узнал», «подумал», «вспомнил», «прочитал» — к этому сводятся все события. Есть ли у нее хотя бы «начало», «середина», «конец»? Тоже неясно. Книга все время начинается, как бы «топчется на месте» и обрывается, никак не продолжаясь.

Что же тогда в ней есть? Процесс понимания окружающего мира Василием Васильевичем Розановым, «коллекским советником, пишущим сочинения». Но многое ли открылось ему? И тут, пожалуй, придется признать, что автор нашел гораздо меньше ответов, чем задал вопросов. Интересно? Безусловно.

* Письмо П. А. Флоренского к М. В. Нестерову от 1 июня 1922 г. (цит. по: *Палиевский П. В.* Розанов и Флоренский // П. А. Флоренский: Pro et contra. СПб., 1996. С. 489).

Читатель этой книги как будто неожиданно оказывается внутри здания, ходит по нему и никак не может понять общую архитектуру, представить себе, как это здание выглядит снаружи, со стороны, в чем замысел строителя, его план. Какие-то постоянные переходы, коридорчики, лестницы, подвальные — все только второстепенное и ничего главного, никакого «колонного зала с люстрой» или «пейзажа из окна на Москву-реку». Человеку с ясным планом в душе, с твердым взглядом на вещи или, по крайней мере, с твердым желанием этот взгляд иметь, Розанов противопоказан. Но если читатель наберется терпения, ему откроется удивительная картина если не «нового дивного мира», то зрелища величественного во всяком случае.

Розанов на практике осуществил идею создания того, что сегодня называют «нерепрессивной культурой». Ему открылась картина будущего устройства общества, которое зиждется на единственном условии терпимости к окружающему миру, для которого все существующее имеет безусловную ценность и потому священо. В контексте любого публичного спора попытка доказать этот принцип обречена на «мгновенный проигрыш», но в душе он звучит как томление, как слабый призыв, как укор Создателя. Виктор Шкловский назвал «Опавшие листья» романом без мотивировки — но именно принцип сочувствия всему сущему, пожалуй, и служит мотивировкой большинства высказываний Розанова. С этих позиций он глядит на мировое устройство и с них же оценивает текущее политическое и общественное положение России.

Казалось бы, все это — моральные установки. Но у Розанова на их основании сложилась своеобразная эстетика кротости и терпимости ко всему. Она во многом определила замысел «Опавших листьев». Написалось — значит, случилось, значит, должно существовать. Каждый записанный текст нужно сохранить — хотя бы из обыкновенного человеческого чувства жалости, просто потому, что жалко выкидывать. И здесь не только эстетика, здесь религиозный, по сути, принцип доверительности к расширяющемуся в своем многообразии мирозданию. Благоговением перед жизнью распахнуто пространство «Опавших листьев»: «Какого бы влияния я хотел писательством? Унежить душу».

Вообще же в «листьях» продемонстрировано большое умение слушать (хоть бы и самого себя) и постоянно озвучивать услышанное. Само философствование Розанова, пылающее, искрометное, основано на этом «озвучивании» всего и вся, «договаривании» за других. Синтаксис Розанова

служит интонационной аранжировке устной речи, письмо для него — лишь способ зафиксировать голос. Ответственности письменного слова Розанов не замечает. Факты, приводимые им, зачастую неточны, даже ошибочны. Он живет в стихии звучащего слова, которое всегда имеет сиюминутный конкретный контекст, привязано к конкретному моменту времени, и убедительность такого слова неизымаема из них. Речь звучит только здесь и сейчас — эту спонтанность и призвано передать розановское письмо, которое, по его ощущению, имеет только одно преимущество перед устной стихией: оно сохраняет ее, не дает ей исчезнуть.

Парадоксально, а вместе с тем и внутренне логично, что, имея в душе идеал «всеобщего мира», Розанов постоянно воюет со своими бесчисленными оппонентами, зачастую просто обрушиваясь на них. Более того: он пребывает в состоянии постоянной тяжды со всем наследием прошлого. Новая культура, по его ощущению, должна выстраиваться вокруг неотменяемого прошлого как его альтернатива — как альтернатива прошлому «in total», а не какому-то конкретному его периоду, как критика «истории вообще». Культура — это постоянная незатухающая дискуссия, в которой окончательное слово невозможно. Розанов торопил время, умножая «точки зрения», живя в перспективе неизбежного, как он полагал, момента, когда их станет много, слишком много и они превратятся в «бесконечное многообразие видов», требующее иного общего устройства, где, как в природе, «всему будет свое отведенное место».

Возможно, этим объясняется и парадоксальность розановской мысли, и его готовность, не смущаясь, высказывать противоречащие друг другу и даже взаимоисключающие взгляды. Он мог вполне серьезно доказывать в очередной статье, что русскому народу никакие «свободы» вообще не нужны, поскольку он уже свободен, в высшем, разумеется, смысле, и любит царя мистическим, а потому не подлежащим людскому суду образом. И одновременно мог работать в «левой» печати, помогая четче формулировать и заострять «протестные» настроения либеральной части общества (книга «Когда начальство ушло», 1910).

Главным препятствием на пути к обновленному миру Розанов считал идеологию и идеологичность. Для него всякая форма доказательности, принуждения к истине потенциально (любимое слово) опасна. Он слишком хорошо знал, как много остается за бортом любых обобщений. Идеи он быстро подхватывал, а затем изживал изнутри. Всякий раз, когда

Розанов касается «общих идей», в его интонациях слышатся издевательские нотки, передразнивающие всякую «убежденность», которая всегда есть не что иное, как ограниченность. Борьба идей происходит из-за того, что их адепты полагают, будто по-настоящему весомых идей мало, — только поэтому происходящее между ними кажется им «серьезным». Розанов из недр новой, зарождающейся культуры смотрел на борьбу политических деятелей за первенство под солнцем, за власть над умами как на возню неразумных детей — то есть с максимально возможным для него осуждением.

Проблема зла у Розанова — особая тема. В его мире не существует механизмов борьбы со злом. Зло пугает его потому, что вот оно есть и будет и нет внутреннего оружия против него, ибо ничего отвергать нельзя. Иногда мы принимаем за зло то, что просто чуждо нам и враждебно. Но с чужаком или врагом все-таки можно вступить в диалог, «поговорить», даже проявить любопытство по отношению к нему. Есть, однако, совсем иное, неприступное, не допускающее взаимодействия, «демоническое» стремление к злу. Его метафизические основания принадлежат, с точки зрения Розанова, какому-то иному, «не нашему» миру. Одно из проявлений такого зла — смерть. Розанову свойствен скорее не страх смерти, а ужас перед нею — как перед тем, чему существовать не должно и что тем не менее существует. Что делать с подобным злом, Розанов не знает и бежит от него. Ему неизвестны разновидности, градации зла, да Розанов и не желает вникать в эти проблемы. Искушенность во зле — печальное завоевание культуры. По Розанову, поведение «обывателя», который сторонится зла и живет, не думая о смерти, — вот пример, исполненный мудрости и назидания.

Мучительной для Розанова была проблема религии. Ему категорически не хотелось, чтобы она разделила общую судьбу идеологий, стала «одной из» в будущем длиннейшем перечне «того, что мешало человечеству». Всю жизнь Розанов пытался как-то модернизировать исторически доставшееся ему православие, приспособить его к новой роли в том интуитивно чаемом мире, в котором он мысленно уже находился. Он желал видеть его религией рождения, рождающих, религией многообразия — иными словами, он желал видеть в нем тот принцип, который, как он чувствовал, лежит в основе Божественного творения. Павел Флоренский сказал о Розанове: «Существо его — богоборческое; он не приемлет ни страдания, ни лишений, ни смерти, ему не надо искупле-

ния, не надо и воскресения, ибо тайная мысль его — вечно жить, и иначе он не воспринимает мира».

Розанов не стремился к трансцендентному, к потустороннему. Он твердо знал, что оно есть, а сам всецело был обращен к «миру дольнему», воспринимая его в самом радикально земном смысле — как то, что происходит «сейчас и здесь». Погруженность в быт, в домашний мир — такова позиция Розанова, с «высоты» которой он подвергает суду явления общественной и государственной жизни. Тематические круги его книги постепенно расширяются, но это только укрепляет его исходный принцип: вот, мол, я, Розанов, со своей семьей, с женой, дочерьми, любимой нумизматикой и самоваром, вижу все, что происходит вокруг, и выношу свои суждения об увиденном. Все это было бы похоже на оголтелую эгоцентрическую самоуверенность, если бы не глубочайшая и смиреннейшая убежденность Розанова, что с ним — Бог.

Для мироощущения Розанова характерно постоянное, как-то мгновенно возникающее у него интуитивное различие естественного порядка вещей и искусственного, придуманного человеком, навязанного извне. Органический порок литературы, по Розанову, заключен в ее «деланности», поэтому она «неисправима». Слишком искусственным кажется ему и Христос — Розанова не остановила даже необходимость открытия некоего иного Бога. Литература, христианство... В придуманности и искусственности он подозревал даже саму смерть.

Разочарование в рационализме, которое Розанов пережил в студенческие годы, постепенно переросло у него в совершенно новое мироощущение, предвосхитившее настроения конца XX века, но выраженное в «инструментарии» века XIX. Для Розанова Слово и Тело поменялись местами. Интеллектуально выражаемый сущностный пласт бытия, с которым обычно сопрягалось Слово, переместился для него в область материального. Вещественная телесность под его пером стала превращаться во внутренний, подлинный критерий истинности. Самое главное Розанов всегда ищет в материальной воплощенности объекта, явления, человека. Примечателен хотя бы такой факт из его биографии: когда он начал встречаться с виднейшими представителями петербургской художественной элиты («башня» Вячеслава Иванова, «среды» Мережковских), он практически перестал их читать. Короткое знакомство с авторами заменило ему знакомство с их текстами — и новейшая литература осталась для него до-

вольно туманной областью, которую он начал воспринимать как нечто внешнее, наносное, сотканное из пустот. Реакция Зинаиды Гиппиус на «Уединенное» была продиктована возмущением розановской попыткой вывернуть наружу то, что всегда должно оставаться внутри. Для Розанова же и то и другое расположено, как на ленте Мёбиуса, в одной плоскости, «мое естественное человечество» — такая же фикция и такая же ценность, как, например, какое-нибудь политическое убеждение.

Естественно поэтому, что визуальное стало для него важнее вербального, хотя Розанов не знал, да, по-видимому, и не искал никакой альтернативы слову как средству изображения. Невероятно чувственная фактура его письма (талант, признаваемый всеми) стала для него как средством, так и целью. И это — при традиционной «нехудожественности» публицистического дискурса, совершенно не предполагающего подобную степень выразительности и изобразительности. Визуализация культуры, техническая вооруженность средств передачи информации, кинематограф, который Розанов великолепно проигнорировал, — расцвет всего этого был еще только впереди, а на долю писателя осталось лишь невероятное мастерство владения словом, литература, которую он чувствовал, «как свои штаны».

Катастрофа революции стала не только «трагическим сюрпризом» для Розанова, она разрушила самые основания того фундамента, на котором базировалось его мироощущение. Его «религия рождения» строилась на благополучии, комфорте, если угодно, семейном уюте, который он знал и ценил, как никто другой, ибо всегда, открыто или в подтексте, у него неизменно звучало: счастливое устройство семьи есть первая и главная заповедь Божия, прочих же можешь не соблюдать. Великий труженик, он ясно видел значение материального достатка, знал цену ему. Рухнуло не только благополучие семьи, сам универсум двинулся не в ту сторону. Розанов остро чувствовал, откуда идет «тепло» в мир, и весь свой талант положил на устройство «теплого мира для всех», на разъяснение прелести его. Но вместо чаемого потепления наступил холод, история пошла не в сторону мира «всеобщей приязни», а в направлении лишений, несчастий и трагедий. Все последние записи Розанова (он умер зимой) наполнены описаниями холода — одновременно физического и метафизического.

Е. Козлов

Опавшие листья

[КОРОБ ПЕРВЫЙ]

Я думал, что все бессмертно. И пел песни.
Теперь я знаю, что все кончится. И песня умолкла.
(три года уже)

* * *

Сильная любовь кого-нибудь одного делает ненужной любовь многих.

* * *

Даже неинтересно...

* * *

Что значит, когда «я умру»?
Освободится квартира на Коломенской и хозяин сдаст ее новому жильцу?
Еще что?
Библиографы будут разбирать мои книги.
А я сам?
Сам? — *ничего*.
Бюро получит за похороны 60 руб. И в «марте» эти 60 руб. войдут в «итог». Но там уже все сольется тоже с другими похоронами; ни имени, ни воздыхания.
Какие ужасы!

* * *

Сущность молитвы заключается в признании глубокого своего *бессилия*, глубокой ограниченности. Молитва — где «я не могу»; где «я могу» — нет молитвы.

* * *

Общество, *окружающие* убавляют душу, а не прибавляют.

* * *

«Прибавляет» только теснейшая и редкая симпатия, «душа в душу» и «один ум». Таковых находишь одну-две за всю жизнь. В них душа расцветает.

И ищи ее. А толпы бегай или осторожно обходи ее.
(за утрен. чаем)

* * *

И бегут, бегут все. Куда? зачем?
— Ты спрашиваешь, зачем мировое вою?
Да тут — не вою, а скорее ноги скользят, животы
трясутся. Это скэтинг-ринг, а не жизнь.

(на Волково)

* * *

Да. Смерть — это *тоже религия. Другая религия.*

* * *

Никогда не приходило на ум.

.....
Вот арктический полюс. Пелена снега. И ничего нет.
Такова смерть.

.....
Смерть — конец. Параллельные линии сошлись. Ну,
уткнулись друг в друга, и ничего дальше. Ни «самих
законов геометрии».

* * *

Да, «смерть» одолевает даже математику. «Дважды
два — ноль».

(смотря на небо в саду)

Мне 56 лет: и помноженные на ежегодный труд —
дают *ноль*.

Нет, больше: помноженные на *любовь*, на *надежду* —
дают *ноль*.

* * *

Кому этот «ноль» нужен? Неужели Богу? Но тогда
кому же? Зачем?

СОДЕРЖАНИЕ

Живой журнал Василия Розанова. <i>Е. Козлов</i>	5
ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ	
[КОРОБ ПЕРВЫЙ]	21
КОРОБ ВТОРОЙ, И ПОСЛЕДНИЙ	172

Литературно-художественное издание

ВАСИЛИЙ РОЗАНОВ ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Редактор Алла Степанова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Александра Савастени
Корректоры Станислава Кученатова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 20.02.2023. Формат издания 76 × 100^{1/32}
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 17,63. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15

Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайта: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-NFA-31739-01-R